

АРХИТЕКТУРА АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ЗОДЧЕСТВА
ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА

(по поводу последних трудов А. Л. Якобсона)

СТЕПАН МНАЦАКАНЯН

Основы подлинно научного, далекого от описательности исследования архитектурной культуры средневековой Армении были заложены еще в конце XIX века, в ходе анийских кампаний Н. Я. Марра. Многолетние раскопки древней столицы, давшие миру множество ценных сведений об истории, культуре, искусстве, одновременно способствовали формированию той профессиональной среды, которая выдвинула многих видных исследователей архитектурно-художественного наследия Востока. Ученики и сподвижники Н. Я. Марра в 1920-х гг. создали советскую школу изучения искусства Закавказья и Передней Азии, одним из лидеров которой по праву можно считать крупнейшего востоковеда, впоследствии академика и директора Государственного Эрмитажа И. А. Орбели. Его пристальный интерес к искусству Армении, заложенный еще в годы анийских раскопок, не ограничивался кабинетными разысканиями: И. А. Орбели был инициатором раскопок, проводившихся в 1936 г. в крепости Амберд. Именно амбердские раскопки способствовали научному становлению целого ряда молодых ученых, одним из которых был искусствовед и археолог, занимавшийся раскопками памятников Крыма—Анатолий Леопольдович Якобсон, впоследствии доктор исторических наук, крупный специалист по истории архитектуры Переднего Востока.

Изучению истории материальной культуры Армении А. Л. Якобсон отдал около полувека своей жизни. Он, однако, смог—в числе немногих ученых—сочетать это изучение с работами, посвященными наследию Крыма, Византии, сопредельных цивилизаций Востока. Уже в 40-х годах А. Л. Якобсон вплотную занялся натурным изучением армянских памятников, постоянно посещая их: Отдельные статьи он посвятил исследованиям ряда монастырских ансамблей страны—Хоракерта, Мшкаванка, Татева, Гандзасара и других памятников. В 1950 г. вышла его книга «Очерк истории зодчества Армении V—XVII веков», обобщающая уже написанные работы и содержащая много нового материала. А. Л. Якобсон расширил ареал своего исследования зодчества Армении, включив в него анализ связей архитектуры страны с наследием строительной культуры Византии, Сирии, Грузии, Кавказской Албании. Особое внимание он уделял хачкарам Армении. Дальнейшая работа автора в этом направлении шла по пути выявления системных факторов, преимущественно в культовом зодчестве региона, так как именно оно наиболее ощутимо реагировало на изменения структурных основ общества средних веков (тогда как в гражданской и мемориальной архитектуре традиционализм был выражен намного сильнее). С распространением той или иной религии в зодчестве каждого региона, как правило, прослеживается ряд системных общностей. Эти процессы в определенной мере выявляются и при изучении христианского культового зодчества стран Переднего Востока; их анализу посвящена и последняя работа А. Л. Якобсона. Труд этот был задуман в двух частях. Первая часть («Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры») вышла в свет в Ленинграде в 1983 г. Уже после кончины автора, в 1985 г. там же было издано сокращенное изложение всего труда («Закономерности в развитии средневековой архитектуры»), где прослеживается эволюция зодчества стран Восточного Средиземноморья, Закавказья, Древней Руси, Ближнего Востока и Средней Азии с IV—V

и до XIV—XV вв. Наша статья, посвященная разбору первой части труда, уже была написана, когда появилось издание 1985 г. Его мы рассмотрим в конце работы.

* * *

Хронологически работа охватывает эпоху раннего средневековья, а территориально—страны Присредиземноморья, Ближний Восток и Закавказье. Отдельные главы посвящены памятникам Византии (константинопольской школе), Греции и Италии, Малой Азии, Сирии, Месопотамии и Палестины, Армении и Грузии. Автор привлек большое количество фактов, особенно останавливаясь на формировании отдельных школ зодчества. В то же время он постулирует тезис о существовании определенных закономерностей архитектурного процесса, обусловленных развитием культовых основ общества и проявляющихся в странах региона в соответствии с нормами, характерными для каждой из них в отдельности. А. Л. Якобсон совершенно прав, рассматривая зодчество стран региона как хронологически, так и типологически, вначале изучая сводчатые (базилические), а затем—купольные системы. Но весьма ограниченный объем книги вынудил его остановиться лишь на самых значительных, основополагающих памятниках каждой страны, формы которых во многом были нивелированы общехристианскими нормами региона; это затрудняет выявление истоков своеобразия подобных развитых форм в каждой отдельной стране (хотя они, несомненно, существовали и оказали существенное влияние на формирование последующего периода). Ведь первые шаги христианской культовой архитектуры повсеместно совершались в неблагоприятных внешних условиях; в частности, когда в самом начале IV в. Армения официально приняла новую религию, то даже на ее родине и в ближайшем окружении (в Палестине и Сирии) не было и речи о существовании сколько-нибудь разработанного культового зодчества. Возникает вопрос—что же тогда могло служить исходным пунктом для формирования первых христианских храмов Армении и случайно ли определенное сходство ранних зальных церквей страны с гражданскими сооружениями, дворцовыми залами предшествовавшего времени, на что еще в начале нашего века указывал Н. Я. Марр? Хотя эти памятники дошли до нас лишь в поздних образцах (не ранее V в.), значительный консерватизм гражданской архитектуры, способствовавший сохранению основных композиционных решений, хорошо известен. Впоследствии, однако, формирование зальных церквей различных стран региона стало идти под знаком общехристианских тенденций; постепенно слагались элементы общности и даже, по определению А. Л. Якобсона,—закономерности развития. С этими проблемами читатель книги встречается как при анализе развития культового зодчества всего региона, так и отдельных стран, особенно при анализе купольных памятников. Здесь еще больше различий в композиционных решениях; еще больше местных факторов, влиявших на структуру купольных построек каждой страны. Христианство освятило лишь идею купола как символа небесного свода; здесь не было первоначального импульса, аналогичного феномену трансформирования античной базилики (во многом определившему близость строения раннехристианских зальных сооружений многих стран). Сравнительно быстрое распространение купольных памятников, следовавшее за освящением купола, рассматривалось и прежде (А. Грабар и др.), однако соответствующее современному уровню изученности памятников теоретическое построение дано именно А. Л. Якобсоном.

Необходимо отметить, что если идеологические, историко-художественные аспекты этого процесса рассмотрены в книге с исчерпывающей полнотой, то конструктивные аспекты освещены мало. Между тем именно в них и не прослеживается существование единой подосновы развития типов; византийские купольные сооружения значительно отличались от купольных систем Востока (дело в том, что античный Рим, в сущности, не знал «купола на квадрате», а на Востоке купольные структуры на квадратном основании генетически восходили к древним образцам мемориального и народного жилого зодчества). Здесь с наибольшей ясностью видна необходимость параллельного изучения раннесредневековой архитектуры Ирана, без учета замечательных купольных

систем которой невозможно понимание процессов формирования большинства центральных композиций Армении, Грузии, Сирии.

Особое внимание А. Л. Якобсон уделяет синтезу двух систем—базилличной и центральной и разработанным на его основе византийским купольным базиликам. Если вопрос здесь ясен и купольные базилики—типично византийское явление, то этого нельзя сказать о другом, также синтезированном типе—крестовокупольном (фактически неизвестном ранневизантийскому зодчеству; лишь с IX—X вв. он стал основой как для византийской архитектуры, так и для архитектуры православного мира). Где же истоки крестовокупольного типа? Различные теории, связывающие его появление с трансформированием купольных базилик, уже не отвечают уровню изученности памятников. Говоря о генезисе крестовокупольной системы, А. Л. Якобсон отмечает, что «зародилась она тогда же, в раннее средневековье (в какой стране—решить этот вопрос пока еще невозможно), но полностью сформировалась и возобладала уже позднее—во второй половине средневековья» (с. 7); все же он склоняется к тем теориям (Н. И. Брунов), в соответствии с которыми появление крестовокупольности объяснялось расширением подкупольных устоев и арок купольной базилики и постепенным их превращением в боковые своды—трансепты. Отметим, что этот процесс является теоретическим и не отражен в реально существующих памятниках.

Исследователи обычно приводят для обоснования этого процесса отдельные памятники (церковь Иль-Андерян в Сирии и церковь вне стен Русафы в северной Месопотамии) различных областей Византийской империи; их формы, однако, весьма далеки от стадий формирования крестовокупольных композиций. Не случайно, что до сих пор идут поиски истоков крестовокупольности. Одну из гипотез выдвинул А. Л. Якобсон; в соответствии с ней базилики VIII в. (Климента в Анкаре, Усления в Никее, Софии в Фессалониках) «...имели тенденцию преобразовываться в крестовокупольные. Такое превращение произошло, вероятно, уже в IX в., когда короткие, продольно ориентированные полуциркульные своды боковых нефов заменили поперечно ориентированными, т. е. обращенными к куполу—идейному и композиционному центру храма» (с. 70). Нетрудно видеть, что перечисленные памятники являются типичными купольными базиликами с рядами колонн, отделяющими боковые нефы от главного—между тем крестовокупольная композиция предусматривала полное единение боковых объемов с главным нефом и подкупольным пространством.

Проблема генезиса крестовокупольности в архитектуре Византии дискутируется уже с начала XX в. Для выявления ее истоков тщательно рассматривались даже упрощенные, незначительные сооружения; анализировались трансформационные возможности схем иранских храмов огня. Но целый ряд монументальных сооружений раннесредневековой Армении (где начиная с V в. основным синтезированным типом христианского храма стал крестовокупольный тип) до недавнего времени в подобном контексте не рассматривался. Не то чтобы эти памятники были неизвестными; на них указывали И. Стржиговский, Н. М. Токарский. Но инерция старых теорий дает о себе знать,—некоторые исследователи ищут истоки крестовокупольных храмов Византии именно на территории империи, оставляя в стороне храмы Текора, Одзуна, Мрена, Гаяне, Багавана. Известны тесные контакты Армении и Византии в раннем средневековье; весьма активно шли миграционные процессы (в VI—VII вв. значительные массы армянского населения вынужденно переселились в империю). Композиционные основы крестовокупольности, реально существовавшей в архитектуре раннесредневековой Армении, вполне могли проникнуть в Византию именно с переселившимися зодчими и каменных дел мастерами. Кстати, подобные явления известны и впоследствии—в конце X в. архитектор Трдат, заложивший первые ряды камней в основание будущего крестовокупольного храма—кафедрала в Ани, в связи со смертью царя Смбага прервал эту работу и принял приглашение восстановить поврежденный купол храма Софии в Константинополе.

С учетом этих фактов, хорошо известных А. Л. Якобсону, едва ли можно отрицать роль крестовокупольных храмов Армении V—VII вв. в формировании средневизантийского крестовокупольного зодчества, тем более что на территории империи пока нельзя

указать ни одного подлинно крестовокупольного раннесредневекового сооружения, способного дать импульс развитию этого типа впоследствии.

Памятники Армении IV—VII вв. рассматриваются А. Л. Якобсоном в специальном разделе книги. Прослеживается весь путь их развития с включением почти всех узловых сооружений. Вначале речь идет о зальных системах, а впоследствии (как и в разделах, посвященных строительной культуре других стран)—купольных, до Звартноца и синтезированных типов. Автор особо выделяет такое выдающееся сооружение, как Ереруйскую базилику. Он совершенно прав, указывая на то, что галереи здесь отнюдь не позднее добавление и составляют органическую часть памятника. Отметим, что эта базилика (отличающаяся формами, тяготевшими к сирийскому зодчеству) скорее исключение, нежели закономерность, поскольку налицо целый ряд раннесредневековых зальных церквей Армении (Касах, Аштарак, Двин, Егвард), где почти нет сирийских черт.

Говоря о закономерностях развития зодчества Армении в контексте архитектурной традиции Византии, Сирии, Передней Азии, необходимо отметить, что не все его узловые памятники отвечают этой концепции. Прежде всего мы имеем в виду храмы V в. в Эчмиадзине и в Текоре, олицетворявшие своеобразие эволюции строительной культуры страны и не имевшие прямых аналогов ни в Сирии, ни в Византии, ни в Малой Азии. Последнее особенно важно ввиду того, что именно Эчмиадзин и Текор представляют собой наиболее ранние образцы крестовокупольности храмового зодчества, отвечая на вопрос об истоках этой композиции. Эчмиадзинскому храму посвящена обширная литература. До 1950-х гг. исследователи ориентировались на реконструкцию Т. Тораманяна; согласно ей, храм вначале имел базиличное строение, затем на этом месте было возведено сооружение типа внутреннего тетраконха и лишь в VII в. появились пилоны и выступающие апсиды. Как предполагал Н. М. Токарский, первоначальная базилика сохранилась вплоть до VII в., когда и были вынесены апсиды. Однако раскопки 1959 г., проведенные А. А. Саиняном, показали, что апсиды не были поздним добавлением, а четырехпилонная купольная композиция восходит к V в.—именно таким был храм, возведенный в конце этого столетия Вааном Мамиконяном. Под пилонами были открыты базы устоев древней базилики. Иное мнение у А. Л. Якобсона: «Правильнее, как нам представляется, отнести первоначальную базилику к концу V века, когда Ваан Мамиконян «восстановил от основания» весь храм, а перестройку его в купольное центрическое здание с четырьмя выступающими полукружиями связать, как и думал Т. Тораманян, со строительством католикоса Комитаса в VII в.» (с. 118). А так как раскопки показали, что никаких перестроек, связанных с вынесением апсид, не было, то автор приходит к выводу о возведении всего храма в VII в. Факты, однако, противоречат этому; с пятым веком неразрывно связаны все формы основного корпуса Эчмиадзинского храма—и формы окон без раструбов, и формы бровок, и конфигурация карнизов. Для V в. характерны формы баз пилонов и созвучные с ними декоративные тяги нижних частей апсид. Эти утверждения автора книги—результат заблуждения; данный вопрос заслуживает более детального рассмотрения с учетом важнейшей роли Эчмиадзинского храма в эволюции христианского зодчества Армении и Переднего Востока. Свидетельство Лазаря Парбеци о восстановлении Эчмиадзинского храма «с основания» Вааном Мамиконяном известно, конечно, А. Л. Якобсону; однако есть и другие свидетельства того же историка (не менее важные для датировки сооружения и уточнения характера возведенного в конце V века храма). Мы имеем в виду слова о том, что он, Лазарь Парбеци, не счел бы подобающим для своего настоятельства храм, возведенный двести лет назад¹. А так как слова эти были написаны в конце V в., то выражение «двести лет назад» означает не что иное, как начало IV в.—время строительства первого Эчмиадзинского храма Григорием Просветителем. Следовательно, не остается сомнений в том, что Лазарь Парбеци стал

¹ Ղ ա զ ա ռ Փ ա ռ պ ն ց ի, Հ ա յ ո Յ պ ա տ մ ու թ յ ու ն, Թ ու ղ թ Վ ա հ ա ն Մ ա մ ի կ ո ն յ ա ն ի ն, Երևան, 1982, էջ 470, ծան. 26:

настоятелем не древнего, двухсотлетней давности храма, а нового, возведенного в конце того же V в.

Не менее важен вопрос — каким был сооруженный Ваа-ом Мамиконяном Эчмнадзинский храм: был ли он базиликой или купольным сооружением? И здесь мы находим четкий ответ у Лазаря Парбеци; в предисловии его «Послания» Ваау Мамиконяну сказано, что его враги, дабы дискредитировать настоятеля храма, не остановились даже перед поджогом деревянного купола². Он применяет выражение «*փայտակարանի փակցումը*» — т. е. деревянная часть храма. То, что Парбеци имел в виду именно купол, подтверждается повторением этих же слов Себеосом — там, где он описывает, как католикос Комитас в начале VII в. заменил деревянный купол Эчмнадзинского собора каменным. По его словам, Комитас снял «*ալմաշարի*», т. е. деревянное перекрытие, и заменил его каменным³. Все эти выражения уточнил Иоанн Драсханакертци, однозначно указавший, что Комитас снял именно деревянный купол, заменив его каменным⁴.

Открытые раскопками четыре базы пилонов, типичные для сводчатых базилик V в., никак не могли принадлежать сооружению начала IV в., несомненно, перекрытому деревом. Они могли появиться здесь лишь после перестройки церкви Сааком Партевом на рубеже IV—V вв. Эту 4-пилонную базилику и снес Ваан Мамиконян в конце V в.

Следовательно, композиционное решение крестообразного четырехпилоного крестовокупольного храма в Эчмнадзине, принадлежавшее V в., может считаться одним из наиболее существенных в раннехристианской архитектуре вообще, что особенно интересно ввиду его очевидной нетипичности для русла развития раннесредневекового зодчества Византии и Сирии.

А. Л. Якобсон детально рассматривает пути эволюции раннесредневекового купольного зодчества Армении, подчеркивая своеобразие его форм и отличая от византийских памятников. Он прав, датируя Одзунский храм серединой VI в. Это же можно сказать и об Аване, где он отвергает пятикупольную реконструкцию. Отметим, что появление композиции Звартноца в Армении, несмотря на сирийские параллели (Селевкия, Босра, Апамея), нельзя объяснить халкедонитской ориентацией Нерсеса III Строителя. Известно, что последний принял халкедонитство лишь спустя десять лет после начала строительства храма, и то под сильным нажимом Византии — за что и был вынужден уединиться на своей родине — в северо-западной провинции страны, Тайке, где возвел в 653—659 гг. однотипную церковь — Ишханский храм. А. Л. Якобсон пишет, что «Г. Н. Чубинашвили совершенно произвольно считает храм грузинским; того же мнения В. В. Беридзе. Основанием такого взгляда служит, то, что область Тайк была грузинской. Но хорошо известно, что в VII в. она входила в состав Армении и ее населяли армяне. Грузинской эта область стала лишь при Багратидах» (с. 138). Он правильно датирует храм Лекит (Кавказская Албания) VII в., Бана Х в. и Гагикашен рубежом X—XI вв.

Следует особо остановиться на художественном убранстве рассматриваемых памятников; в частности, здесь А. Л. Якобсон пишет: «Мотив декоративной аркатуры на фасадах стал позднее традиционным в культовой архитектуре Армении — в тех церквях, ктиторами которых, как можно предполагать, были халкедониты» (с. 138). Этот тезис, выдвинутый Н. Я. Марром в начале его археологической деятельности, уже не отвечает современному уровню информативности. Он ориентирован на ряд памятников, считавшихся халкедонитскими, но не учитывает других построек (как раннесредневековых, так и более поздней эпохи), ктиторами которых не имели ничего общего с халкедонитством. Если 30 с лишним лет назад, когда в СССР появились первые монографии по истории архитектуры Армении, повторение этого тезиса было скорее основано на авторитете Н. Я. Марра, чем на анализе известных памятников, то в наши

² Там же, с. 446.

³ «История епископа Себеоса», Ереван, 1939, с. 76.

⁴ «Հովհաննես Կարաբեկյանի Գրասիրանականությունը», Պատմության Հայագր, Թիֆլիս, 1912, էջ 75.

дни представляется совершенно необходимым учитывать конфессиональную принадлежность ктиторов Звартноца (в первый период строительства), Талина, Гагикашена, кафедрала в Ани, церкви Спасителя и Апостолов (там же) и целого ряда других, немевших ничего общего с халкедонитством.

А. Л. Якобсон совершенно прав, особо выделяя в своей книге крестовокупольные храмы Армении (Одзун, Гаяне, Мрен, Багаван). В этом ряду, однако,—и в книге в целом—не получил должного отражения такой важнейший памятник, как Текорский храм. К нему обращались почти все исследователи; существует обширная литература. Отметим, что перестройку четырехпилонной (оставшейся незавершенной) базилики в купольную церковь почти никто не берет под сомнение (Т. Тораманян, Н. М. Токарский, А. Хачатрян). Об этом говорит и сам А. Л. Якобсон (с. 117). К сожалению, просто недоразумением являются следующие слова автора: «С. Х. Мнзаканян полагает, что впервые в V в. крестовокупольная система была выработана в Армении, на что указывает храм в Текоре, с самого начала постройки являвшийся именно крестовокупольным» (с. 83). Автор ссылается на нашу статью «К вопросу о генезисе крестовокупольных храмов Армении и Византии»⁵. Однако мы не утверждали, что Текорский храм с самого начала был крестовокупольным; наоборот, основной тезис нашей статьи—перестройка древней базилики с довольно сложными формами в крестовокупольное сооружение (отсюда и его сложные формы). А. Л. Якобсон приходит к иным выводам о Текоре: «Очень развитая его структура вряд ли предшествовала только начавшей формироваться композиции церкви типа виль-Андернье и Русафе. Хронологическая последовательность была скорее обратной» (с. 83). Отметим, что сложная структура Текора не предопределила этапы развития купольного зодчества; здесь мы встречаемся с одной из наиболее ранних попыток возведения купола над древней базиликой, и строительство это, по всем данным, шло почти параллельно с постройкой Эчмиадзинского храма (анализ которого в контексте выявления истоков крестовокупольности совершенно необходим).

О Текорском храме (как и об Эчмиадзинском) существует большая литература, среди нее отметим статью К. К. Кафадаряна «Надпись Текорского храма V в. и армянский алфавит с месроповским письмом», где проделан глубокий анализ строительной надписи⁶. К сожалению, эта работа не всегда привлекается специалистами, занимающимися архитектурой храма, между тем она не оставляет сомнений в том, что его реконструкция была проведена не позднее рубежа V и VI вв. Нижняя часть сооружения (13 рядов кладки) выложена из розоватого камня, а вся верхняя, связываемая с реконструкцией,—из беловатого; архитектурные детали здесь соответствуют формам, принятым во второй половине V—начале VI вв. Это и окна без растробов, и форма их бровок, и наличие «полного» фронтона, и рельеф с павлинами, ключицами выходящие из чаши гроздь. Формы самого купола (кубовидного снаружи и многогранного внутри, сходного с конфигурацией деревянного шатра) также полностью соответствуют этому времени.

Все это не оставляет сомнений в том, что возведенный через полвека (в середине VI в.) крестовокупольный Одзунский храм имел уже непосредственных предшественников в Армении, так как четырехстолпная крестовокупольность уже была реализована в Эчмиадзине и Текоре. Подобное композиционное решение, структурно отличное от схемы купольных базилик (поскольку оно предусматривало погашение распора купола не системой контрфорсов, а сводами боковых нефов), вслед за Текором и Эчмиадзином было осуществлено в ряде первоклассных памятников первой трети VII в. Это храмы в Мрене 623—640 гг., Гаяне (строительство начато в 630 г.), Багаване (631—639 гг.); в Грузии был возведен храм Цроми (626—634 гг.), в композицию которого из-за принятия халкедонитства были введены хоры. Сказанное отвечает на вопрос, обсуждаемый в книге А. Л. Якобсона—где и когда появился тип крестовокуполь-

⁵ «Պատմա-քանոնագրական հանդես», 1978, № 1, էջ 225—239.

⁶ Там же, 1962, № 2, с. 39—54.

ного четырехпилоного храма, впоследствии послуживший прообразом аналогичных решений средневизантийского зодчества, архитектуры всего православного мира.

Как уже отмечалось, и в начале второй книги («Закономерности в развитии средневековой архитектуры») А. Л. Якобсон говорит о сооружениях IV—VII вв. Интересно, однако, что здесь прослеживается вполне определенный отход от ранее высказанных взглядов: так например, если в первой книге («Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры») в вопросе формирования крестовокупольности автор всецело следовал эволюционным теориям Вульфа—Брунова, то теперь он пишет, что она «...явилась результатом скрещивания старой базилики с центрально-купольной системой, что выразилось не только в надстройке купола (имеется в виду Текорский храм V в., перестроенный в V же или в VI в.), но и в формировании новой композиции, в которой в базиликальную основу был введен крестовокупольный элемент» (с. 39). В качестве примера он приводит Одзунский храм, говоря, что «...это был несомненно большой шаг вперед в архитектурном развитии, который сделали армянские зодчие в середине VI в.» и что этот памятник «...как бы завершал первый этап в истории армянского раннесредневекового зодчества; он стоит на пороге нового его этапа—купольного» (с. 40).

Отметим, что структурное решение конструкций Одзунского храма уже исходило из принципов крестовокупольности—с погашением распора купола поперечными сводами, пересекавшими продольный свод центрального нефа (в то время как конструктивные решения купольных базилик,—к которым и до сих пор во многих работах по инерции относят храмы в Одзуне, Мрене, Гаяне и Багаване—исходили из необходимости погашения распора купола не сводами, а контрфорсами; последние в Армении вообще неизвестны). Говоря о формировании крестовокупольности, А. Л. Якобсон пишет: «...Новая композиция получила в VII в. широкое распространение. Она специфична для Армении и для архитектуры других стран не характерна. К таким зданиям относится целая группа центрально-купольных четырехстолпных храмов—храм в Багаване, 631—639 гг., церковь Гаяне в Вагаршапате, 630 г., в Мрене 623—640 гг.» (с. 40). Дело в том, однако, что вся эта группа памятников раннесредневековой Армении—Текор, Одзун, Мрен, Гаяне, Багаван—относится в силу конструктивных особенностей перекрытия (поперечными сводами, гасящими распор купола) не к центрально-купольным, а именно к крестовокупольным сооружениям, т. е. к тому основному типу, который стал ведущим в развитии средневековой купольной архитектуры Восточной Европы X—XIV вв. Правильно отмечая крестовокупольный характер храма в Текоре (после его перестройки на рубеже V—VI вв.), А. Л. Якобсон тем не менее придерживается прежних взглядов, не замечая эволюции этой же конструктивной системы в Одзуне, Мрене, Гаяне и Багаване и называя эти храмы центрально-купольными,—с чем, конечно, нельзя согласиться, ибо это противоречит их основным структурным признакам.

Кардинальные изменения в исторической судьбе многих народов (рост городов, феодальная раздробленность стран, возрастание светских тенденций и т. д.) поставили перед зодчеством принципиально новые проблемы. Именно к ним и обратился А. Л. Якобсон во второй части книги 1985 г. Новый архитектурный стиль, как правильно указывает автор, возник «...под влиянием глубоких социальных перемен и порожденных ими идейных сдвигов... Перемены в социальном содержании архитектуры сказались прежде всего в сокращении масштабов зданий» (с. 60). Отмечая характерные черты зодчества наступившей эпохи, он отмечает: «...Устремленность ввысь масс храма придавала новое эмоциональное выражение архитектуре, рассчитанной на восприятие не только и не столько изнутри храма, сколько снаружи, что дало новый толчок к интенсивному развитию купольной архитектуры, специфичной в каждой стране. Экстерьер с течением времени всюду и везде приобретал все большее значение» (с. 61). Автор правильно указывает, что трактовка фасадов стала одним из наиболее показательных проявлений нового архитектурного стиля; важнейшим элементом здесь стал декор, во многом усиливший художественную выразительность построек. Отметим, что немаловажное значение следует придавать истокам такого подхода; если

средневековая архитектура Византии на своем раннем этапе практически не знала художественной разработки фасадов,—то в Закавказье, в Армении и Грузии, многие века бытовал унаследованный с античных времен совершенно иной подход к фасаду сооружения. Именно эти принципы легли в основу дальнейшего развития разработки фасадов как в Армении и Грузии, так и в самой Византии.

А. Л. Якобсон особо выделяет константинопольскую школу зодчества, подчеркивая, что главным направлением ее эволюции явилась крестовокупольная система, вскоре ставшая доминирующей в целом ряде стран. Примечательно, что и здесь, по сравнению с первой книгой 1983 г., намечаются определенные изменения в подходе автора. В последнем издании 1985 г., отмечая исходные сооружения в возникновении крестовокупольной системы, наряду с сирийским храмом в иль-Андерние и месопотамской церковью вне стен Русафы А. Л. Якобсон указывает и на Текорский храм в Армении, причем последний возглавляет этот перечень (с. 64).

Автор шаг за шагом анализирует формообразование зодчества в Византии и в Греции, Сербии и Болгарии, в древней Руси и странах Закавказья. То обстоятельство, что А. Л. Якобсон много десятков лет вплотную занимался архитектурной культурой Армении, позволило ему ярко и убедительно представить памятники Армении, выделить все то новое и характерное, что было привнесено новой эпохой. В частности, он особо отмечает крупнейшее конструктивное достижение эпохи—систему перекрытия на перекрещивающихся арках. Автор совершенно прав, не отделяя монументальное искусство страны от развития конструктивной мысли, ведь это были два равноправных компонента, слияние которых «...образовало единый сплав—великое зодчество средневековой Армении» (с. 113).

В работе детально рассматриваются памятники Грузии и Азербайджана. Она завершается обзором памятников Средней Азии. И в каждой части А. Л. Якобсон выявляет наиболее типичные черты нового стилистического направления, охватившего обширные регионы Переднего и Среднего Востока, Восточной Европы и Средиземноморья,—что привело к формированию вполне определенных закономерностей в развитии зодчества.

Последний труд крупного ученого и большого друга нашей культуры, много сделавшего для выявления ее вклада в художественное наследие Передней Азии и в архитектурную культуру вообще,—доктора исторических наук А. Л. Якобсона стал значительным вкладом в историю изучения зодчества и монументального искусства Востока и Запада. Ему предшествовала многолетняя самоотверженная работа ученого, выразившаяся во множестве его статей, ряде книг, в том числе монографии «Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв.», уже неотделимой от истории изучения нашей архитектуры. Но венцом творческой деятельности и всего жизненного пути А. Л. Якобсона стала его последняя работа, посвященная закономерностям средневековой архитектуры, где он смог отразить все основные концепции, доминирующие в современной научной литературе, а также оценить вклад многих народов Восточной Европы и Передней Азии в сокровищницу художественного наследия мировой архитектуры.

**ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՌԱՋԱՎՈՐ ԱՐԵՎԵԼՔԻ
ՀԱՐՏԱՐԱՊԵՏԱԿԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՈՒՈՐՏՈՒՄ
(Ա. Լ. Յակոբսոնի վերջին աշխատությունների առթիվ)
ՍՏԵՓԱՆ ՄԼԱՑԱԿԱՆՅԱՆ**

Ա մ փ ո փ ու մ

Միջնադարյան ճարտարապետության զարգացման օրինաչափությունների պրոբլեմը իրավամբ պատկանում է ճարտարապետական գիտության ամենաբարձր և առավել քիչ հետազոտված բնագավառների թվին: Այս առումով Ա. Լ. Յակոբսոնի «Վաղ միջնադարյան ճարտարապե-

առթիւն օրինաչափութիւնները» (1983) և ավելի լայն ընդգրկում ունեցող «Միջնադար-
յան ճարտարապետութեան օրինաչափութիւնները» (1985) աշխատութիւնները ուշագրավ
փորձ են դուրս գալու ճարտարապետութեան պատմութեան ավանդական պատկերացումների
չրջանակներէց և միանգամայն տրամաբանական է, որ այս պրոցեսում հայկական ճարտա-
րապետութեանը հատկացված է խիստ որոշակի տեղ: Դիտարկելով հայկական հուշարձանները
Բյուզանդիայի, Սիրիայի ճարտարապետական մշակութիւնների խորքի վրա, հեղինակը, հավա-
տարիմ իր «օրինաչափական զարգացման» կոնցեպցիային, հայկական հուշարձանները եռ
գիտում է որպէս ընդհանուր, վաղ քրիստոնեական ճարտարապետութեան զարգացման մի
օղակ, սակայն մի շարք ճիշտ դրույթների հետ միասին աչքաթող է անում առանձին հան-
գուցային հարցեր, որոնք պարզապէս չեն մտնում այդ «հոսանքի» շրջանակների մեջ, Այդ-
պիսին է, օրինակ, Բյուզանդիայում, Բալկաններում, Ռուսաստանում X—XIV դարերում
լայն տարածում գտած խաչաձև-գմբէթավոր շորտ մուլթերով տիպի ծագման և կազմավորման
պրոբլեմը: Մինչդեռ այդ տիպը ծագել է Հայաստանում V դարում (վաղարշապատ, Տեկոր) և
իբր հետագոյն զարգացումը սատցել է VI—VII դարերում (Օձուն, Մրեն, Գայանե, Բագավան), հա-
րատեել X դարում (Անիի Մայր տաճար)՝ թափանցելով Բյուզանդիա, տարածում գտել նրան
հարակից երկրներում: